

Играл ли Гончаров в «секретари»? (К атрибуции ранних текстов)

В писательской биографии Гончарова до «Обыкновенной истории» по-прежнему остаётся много пробелов, нерешённых (и нерешаемых) или же спорных вопросов. Между тем 1830-е – середина 1840-х гг. – время его творческого самоопределения, упорных и постоянных литературных «экзерцисов», «проб пера». Первые литературные опыты писателя в домашнем кругу Майковых к настоящему времени обстоятельно исследованы,¹ однако задача обнаружения и атрибуции ранних текстов, при жизни Гончаровым не опубликованных, была решена далеко не сразу.

Публикация четырёх стихотворений (1835), повестей «домашнего содержания» («Лихая болезнь», 1838; «Счастливая ошибка», 1839) и этюда <«Хорошо или дурно жить на свете»> (1841–1842) состоялась в 1920–1930-е годы (публикаторы – А. П. Рыбасов, Е. А. Ляцкий, Б. М. Энгельгардт).² Установление авторства упрощалось тем, что в домашнем журнале Майковых «Подснежник» и альманахе «Лунные ночи» тексты были подписаны либо инициалами Гончарова, либо его полным именем («Счастливая ошибка»). Этюд <«Хорошо или дурно жить на свете?»>, впервые опубликованный в 1925 г. Е. А. Ляцким и републикованный А. Г. Цейтлинным,³ имеет автограф,⁴ и (стоит подчеркнуть!) это единственный ранний гончаровский автограф, все остальные тексты известны только в копиях.

Наконец, совсем недавно А. Ю. Балакиным был найден относящийся к началу 1840-х гг. очерк «Пепиньерка».⁵ Небольшой и также вполне «домашний» очерк, довольно вольного характера, посвящён воспитанницам Екатерининского института, который Гончаров посещал в начале 1840-х гг. Текст, который безуспешно разыскивали в течение многих лет исследователи Гончарова, атрибутирован ему, прежде всего, на основании упоминания

¹ См. подробно: *Гончаров И. А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. СПб., 1997. Т. 1. С. 609–620* (примеч. А. Г. Гродецкой и В. А. Туниманова).

² См.: Там же. С. 626, 631, 645.

³ *Ляцкий Е. А. Роман и жизнь: Развитие творческой личности И. А. Гончарова: 1812–1857. Прага, 1925. С. 119–127; Цейтлин А. Г. И. А. Гончаров. М., 1950. С. 445–449.* (В обоих случаях текст публиковался с неточностями).

⁴ См.: ИРЛИ. Ф. 166. № 1367 (а).

⁵ См.: *Балакин А. Ю., Гродецкая А. Г. Неизвестный очерк И. А. Гончарова «Пепиньерка» // Русская литература. 1997. № 3. С. 114–136; Гончаров И. А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. Т. 1. С. 514–533, 811–820.*

нения «Пепиньерки» в одном из писем писателя, а также по ряду отражённых в нём документально-биографических данных, по некоторым особенностям его поэтики.

Далеко не бесспорным остаётся авторство Гончарова по отношению к ещё трём текстам в майковском «Подснежнике» – повести «Нимфодора Ивановна» (1836), рассказу «Красный человек» (1836) и небольшому шутовому этюду «О чем Адам и Ева разговаривали при первом свидании?» (1835). «Нимфодора Ивановна» была атрибутирована О. А. Марфиной-Демиховской, материал этот составил основу её кандидатской диссертации (1956) и ряда статей. Текст повести был опубликован Демиховской в 1968 г. в газете «Неделя»⁶ и, несмотря на полемику с ней О. М. Чемены,⁷ позднее дважды переиздан как гончаровский.⁸ Убедительные аргументы, исключающие возможность авторства Гончарова, были в недавнее время предложены А. Ю. Балакиным.⁹

Анонимный рассказ «Красный человек» был атрибутирован Гончарову В. П. Сомовым.¹⁰ Под текстом рассказа, представляющего собой цепь мистических ужасов, завершающихся комической развязкой (демонический герой оказывается обычным вором), стоит помета: «С английского». Сочтя это мистификацией, Сомов рассматривал рассказ как оригинальное произведение, признав же авторство Гончарова в «Нимфодоре», и «Красного человека» тематически и стилистически соотносил с этой якобы гончаровской повестью. Предположение об авторстве Гончарова было также выдвинуто В. П. Сомовым и относительно ещё одного текста из «Подснежника» за 1835 год – «О чем Адам и Ева разговаривали при первом свидании?»¹¹

Все три атрибуции, повторим, более чем сомнительны как с точки зрения недостаточного знания исходного материала, так и с точки зрения методики и системы аргументации исследователей.

Большинство прозаических текстов в «Подснежнике» и «Лунных но-

⁶ Демиховская О. А. Неизвестная повесть И. А. Гончарова «Нимфодора Ивановна» // Русская литература. 1960. № 1. С. 139–144; Демиховская О. А. Раннее творчество И. А. Гончарова // Материалы юбилейной Гончаровской конференции. Ульяновск, 1963. С. 73–78; Гончаров И. А. Нимфодора Ивановна. Повесть / Публ. О. А. Демиховской // Неделя. 1968. № 1–4.

⁷ Чемена О. А. Об одной спорной атрибуции // Русская литература. 1975. № 4. С. 159–162.

⁸ Гончаров И. А. Нимфодора Ивановна: Повесть. Избр. Письма / Сост., подгот. текста и комм. О. А. Марфиной-Демиховской. Псков, 1992; Гончаров И. А. Нимфодора Ивановна: Повесть / Публ. О. А. Марфиной-Демиховской // Москва. 1993. № 5. С. 42–67.

⁹ Балакин А. Ю. Был ли Гончаров автором повести «Нимфодора Ивановна»? // И. А. Гончаров: Материалы Международной конференции, посвящённой 190-летию со дня рождения И. А. Гончарова. Ульяновск, 2003. С. 277–290.

¹⁰ Сомов В. П. Анонимная повесть «Красный человек» в рукописном журнале Майковых // И. А. Гончаров: Новые материалы о жизни и творчестве писателя. Ульяновск, 1976. С. 99–117.

¹¹ Сомов В. П. «Редакция "Подснежника" имеет честь предложить...»: (о неизвестной пародии И. А. Гончарова) // Русская литература. 1970. № 3. С. 92–99.

чах» подписаны. Неизменно подписывают свои сочинения Евг. П. Майкова, начинающие Аполлон,¹² Валериан, младший Солоницын (Солик). Но далеко не все авторы были выявлены на тот момент, когда делались попытки атрибуции анонимных текстов. Так, например, среди посетителей майковского дома и авторов журнала вообще не упоминался Евгений Фёдорович Корш, привлечённый В. Андр. Солоницыным к участию в издании.¹³ В 1834–1835 гг. Корш – один из ближайших помощников О. И. Сенковского по «Библиотеке», где занимается как разного рода компиляциями, так и переводами, преимущественно с английского. Имя Корша будет раскрыто только в «Подснежнике» за 1838 г., где появятся за полной подписью два его стихотворения, но, вероятно, именно он скрывался под маской Ефима Феоктистовича Куролопатина, сотрудника всех четырёх выпусков «Подснежника» за 1835 г. (это имя вынесено на обложку). Е. Ф. Куролопатын «прислал» в журнал ответ на предложенный редакцией вопрос: «О чем Адам и Ева разговаривали при первом свидании?» (написанный в духе Сенковского «Рассказ Евы. Перевод с одного из вавилонских наречий»),¹⁴ – и именно этот ответ был атрибутирован В. П. Сомовым Солоницыну, а другой ответ на тот же вопрос (письмо безымянного чиновника, пародия на канцелярско-бюрократический стиль) – Гончарову.¹⁵ Без учёта Корша как возможного автора одного из ответов на вопрос редакции атрибуция Сомова, построенная главным образом на сопоставлении пародийного «письма» в «Подснежнике» и многочисленных пародий и стилизаций в гончаровских текстах, не выглядит убедительной. Если допустить, что господином Куролопатыным был не Солоницын, а Корш, то автором «письма», приписанного Гончарову, вполне мог быть Солоницын, блестяще владевший пародийными приёмами.¹⁶

Проза Солоницына, человека широко образованного, владевшего не-

¹² Стоит попутно отметить, что юношеская проза Ап. Майкова – а он поместил в «Подснежнике» и «Лунных ночах» шесть своих прозаических сочинений – и оригинальна, и талантлива. Эта ранняя майковская проза никогда не публиковалась и не была предметом специального исследования.

¹³ О В. Андр. Солоницыне как вдохновителе и редакторе домашних рукописных изданий подробнее см.: Гродецкий А. Г. Чувствительные и холодный (В. А. Солоницын и семья Майковых) // Лица: Биограф. альманах. 8. СПб., 2001. С. 5–49. Также: Евстратов Н. Г. Гончаров на путях к роману: (К характеристике раннего творчества) // Учён. зап. Уральского пед. ин-та. 1955. Т. II. Вып. 6. С. 171–215; Деркач С. С. И. А. Гончаров и кружок Майковых // Учён. зап. Ленингр. ун-та. Сер. филол. наук. 1971. № 355. Вып. 76. С. 18–38. Солоницын был знаком с семьёй Корша, дружен с его сестрой Марией Фёдоровной, с самим же Евгением Фёдоровичем после его переезда в Москву в 1836 г. состоял в деятельной переписке (см. его письма 1841–1843 гг.: РГБ. Ф. 465. Карт. 2. Ед. 93).

¹⁴ См.: ИРЛИ. № 16493. Л. 81–83 об.

¹⁵ Там же. Л. 70–72.

¹⁶ См. публикацию двух его текстов: Солоницын В. А. Так они наняли дачу! / Подгот. текста. А. Г. Гродецкий; Сказание о великом поэте, который начал писать стихи и перестал писать стихи / Публ. и комм. А. Ю. Балакина // Лица: Биограф. альманах. 8. СПб., 2001. С. 483–519.

сколькими иностранными языками, и, между прочим, первого в России переводчика Диккенса, вообще нуждается в дальнейшем исследовании. Позиция Солоницына-литератора была достаточно противоречивой. В известном письме Гончарову от 25 апреля 1844 г. он убеждал его писать естественно и просто, жизнь представлять такой, «как она есть, характеры должны быть не эксцентрические, приключения не чудесные...»¹⁷ Вместе с тем, сотрудник Сенковского, Солоницын в своей фельетонной прозе нередко копировал «хватскую» манеру Брамбеуса, и остроты и каламбуры, рассыпанные в его текстах, имеют мало сходства с мягким гончаровским юмором.

Изучение материалов «Подснежника» и «Лунных ночей» позволяет сделать вывод, что в них нет текстов, помимо уже названных, которые могли бы принадлежать Гончарову. Единственное анонимное произведение в «Подснежнике» за 1836 год, для которого авторство Гончарова предположить возможно, но почему-то до сих пор оно не привлекало внимания исследователей его творчества, это повесть «Привидение», лишь упомянутая В. П. Сомовым.¹⁸ Она могла бы быть атрибутирована Гончарову на тех же основаниях, что «Нимфодора Ивановна» и «Красный человек». Это рассказ о бедном чиновнике Пчелкине, мечтающем выдать дочь замуж за квартального надзирателя по фамилии Метемпсихоз, любителя выпить и процитировать римских классиков. В бытовой «чиновничьей» повести с совершенно очевидной антиромантической направленностью шаржируются расхожие романтические мотивы, в частности мотив сомнамбулизма: сомнамбулизмом страдает квартальный надзиратель, который и является по ночам как привидение в дом бедного чиновника. Однако доказать принадлежность «Привидения» перу Гончарова возможно, лишь выдвигая те же малоубедительные аргументы, которые использовались и прежде – анонимность, известная художественная «отделанность» и завершённость, ироническое совмещение «высокого» и «низкого» планов изображения, полемика с основными эстетическими принципами романтизма. На основании только этих аргументов (и немногих других) повесть эта с таким же успехом может быть приписана редактору «Подснежника» Владимиру Андреевичу Солоницыну, как его же перу

¹⁷ См.: Груздев А. И. К вопросу о замысле романа И. А. Гончарова «Старики»: (письмо В. А. Солоницына к И. А. Гончарову) // Вопросы изучения русской литературы XI–XX веков. М.; Л., 1958. С. 334.

¹⁸ Сомов В. П. Анонимная повесть «Красный человек» в рукописном журнале Майковых // И. А. Гончаров: Новые материалы о жизни и творчестве писателя. Ульяновск, 1976. С. 100.

вполне могли принадлежать «Нимфодора Ивановна» и «Красный человек». (Впрочем, остаются возможными и другие варианты).

Материал, который будет рассмотрен ниже, также ведёт нас в итоге от предположения об авторстве Гончарова к убеждению в авторстве Соловьицына.

К «майковскому» периоду относятся несколько ранних «автографов» Гончарова, напрямую не связанных с его художественным творчеством и известных как «Вопросы и ответы при игре в “секретари”». Этот сам по себе интереснейший документ был впервые опубликован в 1925 г. Е. А. Ляцким,¹⁹ писавшим по этому поводу: «До нас дошел <...> один крайне любопытный памятник той среды и эпохи – пожелтевшие листки “вопросов и ответов”, этой затейливой старинной игры в секретари, которой так любили занимать себя в долгие осенние и зимние вечера наши предки. Среди различных почерков, принадлежность которых полностью, в условиях настоящей работы, установить невозможно, ясно различимы, однако, почерки Ивана Александровича, Евгении Петровны, Аполлона, Валериана и Владимира Майковых; о других можно было бы только гадать. В “вопросах и ответах” характерно отразилась та затейливая вязь слова, намек и чувства, которая, под видом игры и шуток, скрывает оттенки истинных влечений и мыслей. В атмосфере “*amitié amoureuse*” вечные “он” и “она” тянутся друг к другу, испытывают, сомневаются,веряют один другому сокровеннейшие движения, понятные только им и скрытые от третьих лиц оболочкой смеющихся слов. Под учтивой холодностью и кажущейся невинностью выражений таятся сложные переплеты, серьезные и полусерьезные любовные интриги, истинный смысл которых живет лишь миг, исчезая подобно тому, как исчезают лучи в беге солнца на песчаной дорожке сада, с тем чтобы завтра появиться опять, в новом сочетании теней, но в старой из века тянущейся правде и сказке жизни. <...> Игра состоит в том, что участники задают в письменной форме друг другу разные, более или менее замысловатые, вопросы, на которые в письменной же форме необходимо отвечать».²⁰

Более точное название популярной в первой половине XIX столетия (и позднее) салонной игры – «секретарь» (франц. «*secrétaire*»), в неё играли при дворе, известны «секретарские» стихотворные опыты В. А. Жуковского, в тургеневском «Дыме» в «секретари» играет великосветское об-

¹⁹ Ляцкий Е. А. Роман и жизнь: Развитие творческой личности И. А. Гончарова: 1812–1857. Прага, 1925. С. 127–140.

²⁰ Там же. С. 124–125.

щество на водах.²¹ Майковские автографы игры представляют собой 128 небольших листков (обрывков) бумаги, заполненных вопросами и ответами с одной или же с обеих сторон.²² Датировав их 1843–1844 гг., Ляцкий опубликовал (с неточностями) 68 пар вопросов и ответов, из которых 2 вопроса и 8 ответов безоговорочно атрибутировал Гончарову и 2 ответа – ему же, но со знаком вопроса.

Вслед за Е. А. Ляцким два «гончаровских» ответа воспроизвёл в своей монографии А. Г. Цейтлин, по-видимому, усомнившись в атрибуции десяти других (он не видел автографов из архива Ляцкого, поступивших в Пушкинский Дом в 1963 г.). Эти два ответа, «написанные почерком И. А. Гончарова», следующие. На вопрос: «Какая власть сильнее: рассудка или любви?» – следовал ответ: «Рассудок никогда не руководствует всеми действиями человека, но любовь очень часто. Мы можем припомнить несколько человек, которые из любви делали глупости или злодеяния, но не вспомним ни одного, который бы силою рассудка уничтожил в себе любовь. Одно время и разлука от нее исцеляют. Люди так уж созданы». Ещё один вопрос звучал так: «По вашему мнению: какой недостаток всех труднее исправить?» Ответ: «Эгоизм и скупость. Эти два недостатка не только трудно, но невозможно исправить: они что старее, то сильнее».²³

«Мы лишены возможности, за отсутствием в нашем распоряжении автографа, – писал Цейтлин, – датировать эти вопросы и ответы майковского салона. Вероятнее всего, что они относятся к началу 40-х годов. Ответы Гончарова на предлагавшиеся ему вопросы свидетельствуют о зрелости и уравновешенности его воззрений на жизнь, несомненной наблюдательности в вопросах психологии, добродушном юморе, проникнутом, однако, некоторой долей скептицизма».²⁴

Прежде всего, нуждается в уточнении датировка автографов игры в «секретаря». Дата («27 мая 1836») проставлена под единственным архивным текстом – под стихотворением Валериана Майкова (л. 49),²⁵ не

²¹ Об игре в «secrétaire» как у Майковых, так и у Бекетовых см.: Из неизданной книги Ф. Д. Ба-тошкова «Около талантов». «В семье Майковых» / Публ. П. Р. Заборова // Русская литература. 2000. № 3. С. 186. Также: Нарышкина Е. А. Мои воспоминания. СПб., 1906. С. 143, 222; Жуковский В. А. Ответы и вопросы в игре, называемой «секретарь» // Жуковский В. А. Собр. соч.: В 4 т. М.; Л., 1959. Т. 1. С. 345. Ср. в «Дыме»: «Кто-то предложил играть в «секретари», au secretaire; но это не удалось. Ответы выдавались плоские и не без грамматических ошибок» (Тургенев И. С. Поли. собр. соч. и писем: В 30 т. Соч.: В 12 т. М., 1981. Т. 7. С. 338).

²² ИРЛИ. Ф. 163. Оп. 1. № 155; архив Е. А. Ляцкого. Далее все ссылки на листы этой архивной единицы даются в тексте.

²³ Цейтлин А. Г. И. А. Гончаров. М., 1950. С. 443; те же тексты см.: Ляцкий Е. А. Роман и жизнь: Развитие творческой личности И. А. Гончарова: 1812–1857. Прага, 1925. С. 129.

²⁴ Цейтлин А. Г. И. А. Гончаров. М., 1950. С. 443–444.

²⁵ Оно опубликовано: Ляцкий Е. А. Роман и жизнь: Развитие творческой личности И. А. Гончарова: 1812–1857. Прага, 1925. С. 136.

имеющим непосредственного отношения к игре. Один из «секретарских» вопросов (л. 14) адресован Леониду Майкову (1812–1838), младшему брату Николая Аполлоновича, которого к началу 1840-х уже не было в живых. Вместе с тем среди вопросов есть и такой, в котором речь идёт о впечатлениях Н. А. Майкова от поездки в Италию (л. 76), а она продолжалась с осени 1842 до начала весны 1843 г.

Судя по всему, Майковы играли в «секретари» на протяжении нескольких лет, уточнить датировку «секретарских» манускриптов позволяет их переписка, главным образом письма Евг. П. Майковой и В. Андр. Солоницына, постоянных и инициативных участников игры.²⁶ Впервые «секретари» упоминаются в письме Солоницына Майковой от 10 февраля 1835 г. и в её ответе от 18 февраля.²⁷ 14 июня того же года Майкова пишет Солоницыну: «...больно лишаться какой-нибудь иллюзии – иллюзия небо, а существование земля; конечно, небо лучше земли, но в этом и спору нет; мы это ясно доказали прошедшую зиму в нашем секретарском обществе, манускрипты коего тщательно хранятся еще в наших архивах».²⁸ «В секретарских наших обществах вы привыкли понимать все галиматии женского пера», – пишет она 7–8 сентября 1835 г. и цитирует Солоницына: «...помните, один раз мы играли в секретари и кто-то спросил вас: “Что такое благодарность?” – вы отвечали: “Память сердца”».²⁹ «Секретарские» вопросы и ответы содержатся и в письме Майковой Солоницыну от 23 сентября 1835 г.

Архив Майковых сохранил, кроме того, и не зависевшую от «секретарского общества» «свою игру» Евгении Петровны и Солоницына – три страницы её вопросов и его ответов.³⁰ Представляют интерес и многочисленные «секретарские» заготовки самого Владимира Андреевича – вопросы и им же составленные ответы, изящные «безделки» как в прозе, так и в стихах.³¹ Таким образом, «секретарские» манускрипты относятся ко времени с 1835 и как минимум – по 1843 год.

Вопрос идентификации почерка большинства участников «секретарского общества» в настоящее время также может быть решён. К моменту публикации Е. А. Ляцкий не имел доступа к многочисленным материалам, которые ныне собраны в архивах А. Н. и Л. Н. Майковых и позволяют более надёжно решать проблемы атрибуции. Это не только рукопис-

²⁶ См. подробнее: Гродецкая А. Г. Чувствительные и холодный (В. А. Солоницын и семья Майковых) // Лица: Биограф. альманах. В. СПб., 2001. С. 37–39.

²⁷ ИРЛИ. Р. I. Оп. 17. № 153 (1). Л. 5 об.; ИРЛИ. Р. I. Оп. 17. № 138. Л. 2 об.

²⁸ Там же. Л. 15–15 об.

²⁹ Там же. Л. 17, 22 об.

³⁰ Там же. Л. 102–103. Характерно, что и среди автографов из архива Ляцкого имеются листы, на которых Евгения Петровна и Солоницын адресуют вопросы друг другу (л. 61, 89).

³¹ ИРЛИ. Р. I. Оп. 17. № 153 (1). Л. 3–3 об., 34–34 об.

ные журналы, но и обширная переписка старших и младших Майковых, многочисленных друзей и посетителей их дома. Письма, начиная с 1835 г., когда семья Майковых переехала из Москвы в Петербург, и до середины 1840-х, представляют собой ценнейший документальный материал, отчасти восполняющий недостаток гончаровского эпистолярия этой поры.³²

В обоих опубликованных Ляцким и Цейтлиным парах вопрос принадлежит К. А. Майкову,³³ ответ – В. Андр. Солоницыну (л. 111 и 101). Точно так же и ещё 5 текстов, приписанных Гончарову, принадлежат на самом деле В. А. Солоницыну (л. 85 об., 89, 89 об.), авторство оставшихся 5-ти установить не удалось, однако это не гончаровские автографы. С сожалением приходится признать, что среди «секретарских» манускриптов ни одного автографа Гончарова нет.

Рука В. А. Солоницына, не только редактора рукописных изданий, но и их усердного переписчика (все тексты в «Подснежниках», кроме журнала за 1836 год, и в «Лунных ночах» переписаны им), идентифицируется достаточно легко. Кроме того, в его «секретарских» опусах отчётливо ощутимы авторитетность, наставительность – позиция «мэтра», и безусловный литературный навык. Отточенность и афористичность формулировок – также свойства его пера. Именно Солоницыну, послужившему прототипом Адуеву-старшему в «Обыкновенной истории», в не меньшей, но в большей степени, чем Гончарову, были свойственны «зрелость и уравновешенность воззрений» и «некоторая доля скептицизма», о которых писал А. Г. Цейтлин.

При всём том Гончаров – вне всякого сомнения – участвовал в «секретарском обществе». Среди опубликованных Ляцким вопросов два (неустановленный почерк) адресованы ему: «Ивану Александровичу. 1. Как вы назовете ту женщину, которая живет головою? 2. В какое время человек лучше всего разыгрывает свою роль?» (л. 110–110 об.). Ответы Гончарова на эти вопросы не сохранились.

Интересно и другое – отзвуки игры в «секретаря» в ранней прозе писателя. В «Счастливой ошибке», к примеру, сентенция о человеческом несчастье очень напоминает ответ на один из вопросов 3-го выпуска «Подснежника» за 1835 год: «Какого человека можно назвать несчастным в полной мере?»³⁴ Несколько запоздавший ответ Гончарова звучал так:

³² См.: Из переписки В. А. Солоницына и Е. П. Майковой 1843–1844 гг. / Подгот. текста и примеч. А. Г. Гродецкой // Лица: Биограф. альманах. 8. СПб., 2001. С. 53–133.

³³ Константин Аполлонович Майков (1811–1891), младший брат Николая Аполлоновича, участник рукописных изданий, офицер Измайловского полка (его почерк имеет ряд ярко индивидуальных черт).

³⁴ ИРЛИ. № 16493; вклейка между лл. 115 и 116. Там же имелись ещё два вопроса: «Что вы предпочитаете: сто лет молодости или старость, но здоровье при бессмертии?»; «Кто, когда, по какому случаю и зачем установил такой порядок, что мужчины волочатся за женщинами, а не женщины за мужчинами?»

«По-моему, какая бы ни была причина горя, но если человек страдает, то он и несчастлив. От расстройства ли нерв страдает он, от воображения ли или от какой-нибудь существенной потери – все равно. Для измерения несчастья нет общего масштаба: о злополучии должно судить в отношении к тому человеку, над которым оно совершилось, а не в отношении ко всем вообще; должно поставить себя в круг его обстоятельств, вникнуть в его характер и отношения».³⁵

Игра в «секретари», таким образом, как и другие начинания майковского семейно-литературного «общества», не прошла бесследно для гончаровского творчества, вобравшего в себя – с истинно фламандским вниманием к мелочам – и эту характерную подробность «домашнего» литературного быта эпохи. «Секретарские манускрипты», кроме того, могут служить дополнительным материалом при решении вопросов об атрибуции анонимных текстов «Подснежника».

³⁵ Гончаров И. А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. СПб., 1997. Т. 1. С. 81.

Правительство Ульяновской области
Департамент культуры и архивного дела Ульяновской области
Ульяновский областной краеведческий музей им. И. А. Гончарова
Музей И. А. Гончарова

И. А. ГОНЧАРОВ

*Материалы Международной
научной конференции,
посвященной 195-летию
со дня рождения
И. А. Гончарова*

УЛЬЯНОВСК
2008